

КУЛЬТУРА

Григорий Заславский

Генеральный директор Государственного академического Большого театра России Анатолий Иксанов много лет руководил другим большим театром — знаменитым ленинградским БДТ имени Г.А. Товстоногова. С другой стороны, Иксанова не без оснований называют человеком Швыдкого, поскольку, когда Михаил Швыдкой работал на телевидении и руководил ВТРК, Иксанов был одним из заместителей главного редактора канала «Культура». И то и другое сегодня может только пригодиться в его работе, а значит, будет на пользу и театру. Анатолий Иксанов почти не дает интервью, и встреча с корреспондентом «НГ» — скорее исключение, чем новое правило.

АНАТОЛИЙ ГЕННАДИЕВИЧ, говорят, что на вопросы, касающиеся балета, вы отвечаете отказываешься? — Почему же отказываюсь? — То есть вы готовы говорить и о проблемах балета Большого?

— Скорее нет, потому что я считаю, что у меня работа все-таки административная. Прежде всего — создать условия для творчества и для творцов, а уж проблемы творческие — это дело Геннадия Николаевича Рождественского, Бориса Борисовича Акимов. И беседовать об этом лучше с ними. Я не считаю себя специалистом в области балета или оперы, чтобы подробно об этом говорить, и не хотел бы допустить какую-то беспеткость. — Тогда о чем же с вами можно говорить? Какие вопросы входят в вашу компетенцию? В смысле: как вы сегодня понимаете свою компетенцию, поскольку наверняка «пределы компетенции» несколько поменялись по сравнению с августом, когда вы пришли в Большой театр?

— Главным образом — именно главным образом — это, конечно, вопросы административного управления огромным механизмом под названием Большой театр. Это финансовая, организационная сторона, отношения со спонсорами... Много всего. Смысл работы в итоге заключается в том, чтобы создать максимально благоприятные условия, чтобы творцам было хорошо работать, комфортно, и они бы могли выполнять свою главную задачу: создавать спектакли, показывая их зрителям.

— Что общего в вашей сегодняшней работе с той, которая была у вас в Большом драматическом театре в Санкт-Петербурге?

— Это — два театра, два замечательных театра. Различие только в масштабах. Если Большой драматический театр — это триста человек и однородная драматическая труппа, то здесь в одном театре как бы несколько театров. Все остальное в принципе то же самое: репетиции, премьеры, гастроль, зрители... Оформление спектакля, подготовка к премьерам. Труппа, зарплата... И так далее.

— Когда я брал несколько лет назад интервью у Кирилла Лаврова, он говорил, что зарплата — не последняя проблема БДТ. А в Большом театре с зарплатой есть проблемы?

— Смотри что понимать под проблемами с зарплатой. Она выплачивается, и здесь проблем нет. Но она не соответствует уровню артистов, тех мастеров, которые работают в Большом. И не сопоставима с теми зарплатами, которые получают артисты на Западе. В этом смысле проблемы, конечно, есть.

— Большой театр считают и называют до сих пор режимным учреждением, и этим он отличается от всех других театров. Есть ли сейчас такое понятие? В чем выражается этот «режим»?

— Такого понятия, естественно, сегодня нет. Можно говорить о том, что Большой театр чаще посещают официальные делегации, гости президента, правительства. В связи с этим, естественно, есть нюансы, потому что есть так называемые охраняемые объекты, есть понятия определенного режима их пребывания в театре. В этом смысле есть то, что отличает Большой от других театров. Но эта ситуация касается только тех моментов, когда действительно официальные делегации приезжают сюда. Во всем остальном — это обычный театр.

— Есть ли здесь какие-то помещения, куда вход запрещен даже вам?

— (Смеется.) Нет, для меня, во всяком случае, таких закрытых зон нет.

— Идти — ползменные ходы, соединяющие Большой с Кремлем?

— Нет, ничего подобного, конечно, нет.

— А второй подъезд, через который в свое время, рассказывают, заходил Сталин, сегодня функционирует?

— Есть отдельный подъезд, к которому приезжает, допустим, глава правительства. Далее он проходит через зрительскую часть, скажем, в центральную ложу. Или, если пожелает, в партер.

— Были ли предыдущим руко-

водством допущены какие-то финансовые злоупотребления — такие, что не сегодня, так завтра всплывут и станут предметом широкого обсуждения?

— Думаю, что нет. На эту тему было больше разговоров — что было бы здесь место место какие-то финансовые махинации. Сегодня закончила работу комиссия контрольно-ревизионного управления. Она подробно проверяла финансовую деятельность театра. Ничего сверхъестественного нет. Меняются законы, подзаконные акты, и соответственно какие-то коррективы приходится вносить. Разумеется, по результатам этой проверки мы внесем такого рода изменения. А так, чтобы специально и весь театр разворовали, — такого нет.

— Можно ли сказать, что проблемы, которые вам приходится сегодня решать, оставлены вам в наследство прежним руководством как следствия их ошибок, или же все они — естественные и неизбежные?

— И то и другое. Что касается прежнего руководства... Очень

Большом». Эта наша совместная акция призвана привлечь внимание организаций и компаний в России. Будет большая пресс-конференция перед этим... Такой станет наша первая акция.

— До сих пор у Большого главный спонсор — иностранный?

— «Самсунг» и ЛТ (японская табачная фирма), но теперь еще и «Внешэкономбанк». Сейчас мы ведем переговоры с господином Авендом и, может быть, установим отношения с «Альфа-банком». Вообще со многими организациями мы сейчас пытаемся наладить отношения, и, в частности, наш первый проект с ЮНЕСКО направлен на привлечение как раз отечественных предпринимателей. У западных всегда возникает вопрос: вы просите у нас деньги — а наши, российские, бизнесмены почему не дают? Мы и хотим привлечь внимание наших бизнесменов с тем, чтобы потом уже сказать: наши тоже интересуются...

— Насколько успешным оказалось начинание с продаж лож на сезон?

Генеральный директор Большого театра Анатолий Геннадиевич Иксанов.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР БОЛЬШОГО ТЕАТРА НЕ ОБЕЩАЕТ РЕВОЛЮЦИИ

Анатолий Иксанов собирается менять систему продажи билетов и уже получает угрозы по этому поводу

много они сделали интересного и хорошего, но у меня, может быть, несколько другой взгляд на какие-то вещи, поскольку я тоже в театре давно работаю. Значит, приходится что-то менять, приводить в соответствие с моим видением. Какие-то проблемы, конечно, объективные, они возникают каждый день. Новые условия и ситуации, в которых надо «выруливаться».

— Приходилось ли вам созваниваться, чтобы обсудить какие-то вопросы, с кем-то из прежнего руководства театра — с Васильевым или с Кокониным?

— Нет. — Можно предположить, что лично вам удобно, когда Большой театр подчиняется Министерству культуры — в том смысле, что Михаил Швыдкой знаком вам по совместной работе на телевидении, — и тем не менее нет ли у вас желания снова вернуть Большой «под крыло» президента (хотя фактически театр подчинялся премьер-министру)?

— Ни в коем случае. Такого желания нет. Более того, я рад, что театр все-таки перешел в ведение министерства, потому что у театра появился дополнительный рычаг для решения всех его проблем. В лице министра и целого министерства. И многие проблемы теперь решаются гораздо легче при поддержке Министерства культуры. В прежнем виде театр фактически никому не подчинялся. Он так и жил — сам по себе, в своих проблемах, и особо никто не помогал Большому театру. А что касается подчиненности премьер-министру, так и меня на должность назначил премьер-министр, а субсидирование Большого по-прежнему осуществляет напрямую Минфин по отдельной строке госбюджета, минуя Министерство культуры.

— Много пещали о создании ЮНЕСКО, который будет финансировать реконструкцию Большого театра. Велика ли его помощь?

— На самом деле такого фонда нет. Была утверждена программа «Большой-ЮНЕСКО», в соответствии с которой ЮНЕСКО брало на себя обязательства по привлечению средств на реконструкцию театра. Причем эта программа касалась только реконструкции основного здания — вы знаете, что реконструкция состоит из двух этапов. Первый — это строительство филиала, вспомогательного корпуса, инженерного блока. Второй — собственно реконструкция Большого театра. Все предложения по участию ЮНЕСКО в сборе средств, во-первых, а во-вторых, по информированию мировой общественности о том, как это происходит, касаются второй очереди, к которой мы только сейчас начинаем приступать. Поэтому до сих пор ЮНЕСКО ничего особо и не могло предпринимать. Сейчас мы очень плотно работаем с господином Ройтером — директором московского представительства ЮНЕСКО; с сентября мы раз 20 с ним встречались, причем в разных составах. Из наших ближайших проектов — открытие 14 февраля в Доме Трубецких выставки «Большой-ЮНЕСКО», посвященной реконструкции театра. Главная ее линия — история архитектуры Большого театра и постепенный переход к тому, что мы будем иметь после реставрации. Макеты, эскизы, чертежи будущего здания. Эта выставка будет как бы обрамлена двумя другими выставками, которые пройдут в те же сроки. С одной стороны, «История «Лебединого озера» в Большом», с другой — «История «Евгения Онегина» в

— Не могу сказать, что это очень уж успешное дело, хотя трудно оценивать прежнее положение. Сейчас мы пытаемся ввести некоторые изменения в систему продажи билетов вообще, — это один из важных элементов как раз моей деятельности. Я разобрался с тем, что происходит с продажами билетов. Как это делается, и что там... И недавно издал приказ об упорядочении продажи билетов с целью повышения доходности. Стоит он из нескольких элементов... Знаете, здесь проблема есть у нас с «молодыми людьми».

— Конечно. И хотел вас об этом спросить.

— Почему их так много? Надо смотреть в корень, в суть проблемы, а суть заключается в том, что существует очень серьезная дельта, разница между ценой на

билет в Большой театр и, скажем, рыночной его ценой. Если мы продаем билеты по 300–400 рублей, то у этих молодых людей можно купить те же билеты и за 2000, и за 2800. Конечно, этим крепким молодым ребятам очень выгодно стоять у Большого театра. Чем меньше дельта, тем, естественно, меньше их интерес. Но здесь другая возникает проблема. Если мы, например, поднимаем цену до спекулятив-

ной — назовем ее рыночной, — то мало кто из нормальных людей, нормальных зрителей сможет позволить себе пойти в театр.

— Наверное, искоренить это невозможно: спекулянты стоят и около Ла Скала, и перед Метрополитен...

— Но у них дельта меньше. У них и спекулянтов меньше. Для решения этой проблемы, в частности, мы занимаемся сейчас

ко одна из целей проекта... Компьютерная система продажи даст возможность больше зарабатывать театру, а не посредникам.

— Когда она может начать работать?

— По приказу, который я издал, мы переходим на компьютерную продажу с 30 марта. Но что-то мне показало возможным сделать уже сейчас. Я предложил нашему отделу реализации билетов организовать ежедневную продажу билетов за 10 дней вперед, определенную систему фиксации билетов, реализуемых льготным категориям зрителей и по брони. С Нового года перед началом спектакля в кассе будут продаваться билеты для краткосрочных командированных по их командировочным удостоверениям. Это — мой опыт, который я принес из Большого драматического театра. Приезжие не могут заранее купить билеты, как вы понимаете. И если они будут твердо знать, что перед началом они смогут купить в кассе театра билеты, то, я думаю, это тоже будет своего рода акция против ребят у колонн.

— Странное дело: у колонн стоят те же, что стоял там и 5, и 10 лет назад. Их не трогали даже тогда, когда валютные операции преследовались жестче, чем сегодня. Не странно ли вступать в конфликт с такой хорошо налаженной структурой?

— А мне уже угрожали. Это нормально. Я этого ожидал. На любую акцию, на любой шаг звучат если не прямая угроза, так уж, во всяком случае — намеки, шантаж. Это все есть.

— Еще одна проблема Большого театра, которая становится актуальнее, то как будто уходит несколько в тень. Сейчас, кажется, очень актуальная. Это — клакка. Когда более народные и заслуженные недополучают аплодисментов в то время, когда молодые и даже почти случайные солисты завалены цветами и урпают в овациях и криках «браво»...

— Согласен. Ваши заботы административные. Но какими вот, воспитательными, вопросами вам пока заниматься не приходится? Скажем, напрямую обращаются к тому или другому с просьбой несколько успокоить своих поклонников?

— Нет. Во всяком случае, пока не считаю возможным вести такие разговоры с солистами. Вроде как неловко учить или заставлять их что-то делать. Я думаю, что это — дело вкуса и совести самих исполнителей. Всем же ясно, кому кричат, кого поддерживают. Если им не стыдно за это, что же делать... Я не считаю нужным в этой ситуации их воспитывать в такой форме.

— Можете ли вы назвать одну главную на сегодня проблему Большого театра?

— Для меня одна главная проблема — это реконструкция. Нужно освободить основное здание, переехать в филиал, при этом максимально сохранить труппу, спектакли, а вы понимаете, что все равно неизбежны издержки. Надо сделать так, чтобы издержки были минимальными. Я сейчас нацелен на те сроки и даты, когда нам нужно съехать отсюда. От того, как мы подробно сейчас все разработаем, как спланируем ремонт, многое зависит. Сложнее нам будет жить или проще.

— Что сейчас происходит внутри филиала?

— Сегодня, к сожалению, ничего. Есть только коробка.

— То есть ни паркета, ни мрамора?

Так выглядит Филиал Большого театра с верхних этажей основного здания. Фото Артема Черного (НГ-фото)

разработкой и внедрением компьютерной продажи билетов. Причем совместно с Мариинским театром. У нас будет единый программный продукт. Такая продажа дает возможность как раз гибких цен, то есть и понижения цен, то есть и повышения по необходимости. Далее мы поставим два сервера: мы будем продавать здесь билеты на их спектакли, а Мариинка будет продавать в Петербурге билеты на спектакли Большого. Это — первый этап нашего проекта. Второй этап, который мы планируем, но случится это, конечно, еще позже, — создание точек продажи билетов в Лондоне, Париже и так далее... Ведь на самом деле больше всего могут платить иностранцы. Люди на Западе смогут купить билеты у себя, потом приехать в Москву, погулять здесь, сходить в Большой, переехать в Петербург и там сходить в Мариинский театр. Все это позволяет компьютерная система. Тем самым исчезают посредники, которые на этом зарабатывают. В частности, поскольку это толь-

— Ничего этого нет. Мы только начинаем это делать. Как раз сейчас я встречаюсь с представителями австрийской фирмы «Вагнер Бир», которая берется за поставку сценического оборудования. Самое главное для театра — начинка, оборудование. Если говорить языком сетевого планирования, то «критический путь» пролегает по мероприятиям, связанным с изготовлением, поставкой и монтажом сценического оборудования филиала. Его продолжительность 15 месяцев. Все остальные работы займут меньше времени.

— Какой будет занавес в филиале?

— Свой. И здесь потом будет другая занавес.

— А нынешний?

— В музей, наверное, пойдет. — Правда ли, что при строительстве филиала и подрядчиком, и заказчиком выступало одно лицо? И будто бы именно это обстоятельство стало одной из причин, по которым Министерство культуры заинтересовалось делами театра и решило в конце концов поставить во главе человека, разбирающегося в хозяйственных вопросах?

— Может быть, такое объединение было оправдано в начальный период строительства. Может быть. Все находилось в руках Москвы. Была проблема расселения: здесь же и банк располагался, и жилье — квартиры надо было расселить — в состоянии это сделать было только московское правительство. На втором этапе, когда начинается строительство, будут выделены очень большие средства на вторую очередь. Естественно, заказчиком должна быть отдельная государственная структура. Им будет Госстрой.

— Как часто вы созваниваетесь с Геннадием Николаевичем Рождественским?

— Только что, как вы слышали. (Действительно, во время нашего разговора раздался звонок Рождественского. — Г.З.)

— Может быть, это как праздник?

— Нет, сегодня мы достаточно много общались по разным сложным проблемам. А вообще — когда он здесь, то ежедневно. А когда его нет, регулярно созваниваемся по телефону.

— Будет ли в этом году новогодний бал в Большом?

— Нет. — Говорят, что предыдущий принес непохую прибыль...

— Никакой. К сожалению.

— То есть будет обычный «Шелкунчик» и что-то традиционное. Или нетрадиционное?

— Традиционное.

— Можно ли вообще ждать каких-то революционных преобразований в театре именно с вашей стороны?

— Нет, ни в коем случае. Только не революции. Постепенная, постепенная реорганизация того, что, мне кажется, требует реорганизации. Сейчас у нас работает всемирно известная консалтинговая фирма «МакКинзи», с которой мы договорились, что они тоже проведут анализ финансовой деятельности и дадут свои рекомендации по улучшению финансового положения. Это — очень известная фирма, имеющая представительства более чем в 100 странах, которая, что самое приятное, все это делает для нас на благотворительных началах. Ее сотрудники мне сейчас очень помогают отладить финансовый механизм.

— Насколько все-таки имеют основания разговоры об объединении дирекции Большого и Мариинского театров?

— Это даже не обсуждается. То, что я вам рассказал о компьютерной продаже билетов, никакого отношения к объединению, как вы понимаете, не имеет. То, что мы, естественно, будем сотрудничать, — безусловно. Несколько лет Мариинский на этой сцене не выступал. Теперь мы договорились, что 11 января Валерий Гергиев продирижирует здесь гала-концерт, 12 марта в рамках «Золотой маски» здесь будет балет Мариинского театра. С 31 марта по 4 апреля в рамках «Золотой маски» — две оперы Мариинского. Борис Акимов ведет переговоры о гала-концерте балета, в котором будут участвовать и наши солисты, и Мариинского театра. В этом смысле мы собираемся идти навстречу друг другу. Мы ратуем друг друга как партнеров, расцениваем наши отношения как дружественные, готовы взаимодействовать и придумывать творческие варианты...

— Но объединение?

— Нет-нет. Даже не знаю, откуда это берется.

— Правда ли, что среди ваших заместителей появились бывшие коллеги по работе на канале «Культура»?

— Нет, ни одного. У меня их всего трое вместо шестерых, которые были раньше. Были какие-то дублирующие структуры... Так это вышло прежде руководство, я — по-другому. Три заместителя по трем направлениям. Организационно-творческое — Александр Ворошило, производственное — Дмитрий Родионов, который и работал на этом месте, и финансовое — Леонид Болховитинов. Молодой финансист, который пришел к нам из банка. Вот три фигуры.

— То есть ни паркета, ни мрамора?

— Нет, ни паркета, ни мрамора?